

ШЕЙЛА
УИЛЬЯМС

Десять жизней
МАРИАМ

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
У36

Sheila Williams
THINGS PAST TELLING
Copyright © 2022 by Sheila Williams
All rights reserved

Печатается с разрешения *Amistad* (импринт *HarperCollins Publishers*).
Издательство выражает благодарность литературному агентству
Andrew Nurnberg Literary Agency за содействие в приобретении прав.

Перевод с английского Натальи Буравовой

Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Уильямс Ш.

У36 Десять жизней Мариам : роман / Шейла Уильямс ;
пер. с англ. Н. Буравовой. — М. : Иностранка, Издательство
АЗБУКА, 2026. — 432 с. — (Розы света).

ISBN 978-5-389-32465-7

1870 год. В штате Огайо идет перепись населения. Древняя как мир темнокожая старуха дремлет во дворике небольшого домишки. Скучающий переписчик фиксирует ее ответы на вопросы. Имя: Мариам Присцилла Грейс... бывшая рабыня. Родилась: в 1758 году, а может, и раньше, место рождения... Из памяти старухи поднимаются давно забытые воспоминания: с родовых врат, с собственного непроизносимого имени раскручивается причудливая спираль жизней мамы Грейс, наполненных тяжелым трудом, заботой о больных, но также любовью и, главное, жадной свободой, о которой тем, кому не повезло, остается только рассказывать своим детям.

«Десять жизней Мариам» — увлекательная историческая эпопея, посвященная путешествию женщины, прозванной «африкской ведьмой», через океан лет, такой же неохватный, как Атлантический, который навсегда разлучил ее с родиной.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Н. Б. Буравова, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-32465-7

Всё это осталось в прошлом, но шрамы на моем старом теле видны и по сей день. А уж пови-
дать мне довелось много разного, еще и похуже
того, что случилось со мной.

*Мэри Рейнольдс,
бывшая рабыня из Блэк-Ривер, Луизиана.
(Из интервью в Далласе, штат Техас, 1937 год.
Возраст миссис Рейнольдс примерно 100 лет.)*

Часть I

В ПРЕЖНИЕ ВРЕМЕНА

Следует помнить, что в начале девятнадцатого века подавляющее большинство негров, как рабов, так и свободных, не проживали в Черном поясе, не выращивали хлопок и не исповедовали христианство.

*Айра Берлин.
Тысячи и тысячи пропавших:
первые два века рабства
в Северной Америке (1998)*

1

*Городок Либерти, округ Хайленд, штат Огайо
Май 1870 года*

Я сижу на солнышке. Старым костям солнышко по нраву. Николас говорит:

— Мама Грейс, ежели и дальше будешь там сидеть, до хрустящей корочки прожаришься!

А я ему отвечаю:

— Вот и дай мне прожариться как следует!

На солнышке так приятно, так славно, его тепло — единственное, от чего суставы болят поменьше. Оно, как теплое масло, растекается по моим изболевшимся рукам.

Из дверей выбегает Фрэнсис и направляется напрямиком ко мне. О господи, ну что за женщина! Двигается, словно солдат на марше.

— Мама Грейс! Ты так и не позавтракала. Совсем ведь истаешь, коль есть не будешь, — хмурится она.

Вижу-то я плохо, зато слышу хорошо и знаю, что Фанни хмурится. Стыдно портить такое красивое лицо. Но ее беспокойство вызвано любовью.

— Да не очень и есть-то хочется, Фанни, — говорю я ей. — Я уже порядком стара, вот и таю потихоньку. — Я смеюсь: мне нравится эта маленькая шутка.

Николас ворчит. У этого мальчика нет чувства юмора.

— Мама Грейс, тебе нужно поесть.

Я качаю головой, потираю колени. Как же солнце приятно ласкает мои кости! И вызывает в памяти историю, слышанную... да уж давненько. О чем была та история? О Зекииле в пустыне и — подумать только! — еще о костях¹. Высохших. Он их складывал вместе, те сухие кости. Зекииль этот... Мне всегда было очень интересно, что этот парень делал среди песков у черта на куличках.

— Мама Грейс?

— Да я уже поела, Ники. Мне хватит.

Они с Фанни пристально смотрят друг на друга, я это чувствую. И знаю, что они думают: «Ну, что ты будешь делать с этой женщиной? Вспомнилось ей! Мысли ее бог весть где блуждают». Я улыбаюсь про себя, откидываюсь на маленькую подушку, которую Трехцветка сшила специально для моего стула. Ощущение, будто сидишь на перине. Эта моя девочка просто чудо. Она может сделать что угодно, вот прямо что угодно. И откуда только берутся такие славные дети?

Солнышко теплое, греет. Прямо как, помнится...

¹ Библия, Книга пророка Иезекииля, глава 37. В стихах 1 и 2 описано видение, в котором Иезекииль видит лежащие среди поля сухие кости Израиля и Иудей. Бог повелел ему пророчествовать на кости, чтобы возратить их к жизни. Как только Иезекииль произнес Слово Божье, кости покрылись плотью и кожей. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Адмирал лает надрывно, с хрипом, словно его душат. Кто-то идет. Вот же глупая псина. Любимая работа этого прохвоста — погавкать от души. А теперь рычит. О, видать, белый идет.

Непонятно, почему Ники научил глупое животное рычать только на белых... Хотя нет, понятно. Ники всем своим собакам дает одну и ту же кличку. Этот четвертый... или пятый? Да неважно, все предки этого твякуши звались Адмиралами, и всех учили грозно рычать на белых людей. Но человека, который там идет, я пока разглядеть не могу, надо подождать, когда подойдет поближе. Слышу его голос. О, теперь он близко. Ники, должно быть, схватил Адмирала за шкуру. Один-то глаз у меня еще ничего, а вот вторым я вижу только тени. Слышны голоса, отдельные слова, но о чем речь, не понять. Впрочем, по тону похоже, толкуют о каком-то деле. Что-что он там говорит?

— Как фамилия? Сколько вас здесь живет? Кто ты такой?

Помню много лет — нет, десятилетий — назад, перед войной, тоже переписчик приходил. В этом Огайо хорошо умеют подсчитывать жителей. Тот парень все никак не мог сосредоточиться на мне и детях. Ему казалось, что у меня один цветной ребенок и один белый, и он пытался понять, как такое может быть. А я посоветовала на любом поле посмотреть на корову и быка. Или спросить, как такое получается, у собственной матери.

А у этого белого голос высокий, тонкий и пронзительный. Какой-то козлиный. Напоминает давешнего кайнтукийца. У того голос тоже прям вонзался в ухо, аж по спине холодок бежал. Ну, вроде замолчал. У Ники-то голос низкий, и к белым людям он обращается громко, вежливо, но без почтения. Его не воспитывали почтительным. Я снова хихикаю. Но Ники хоть пытается быть вежливым. А Фанни? Вот прям чувствую, как она кипит. Представляю ее смуглое лицо, высокие скулы, темные глаза, мечущие стрелы в незваного гостя. Девчонка-то что твой порох! А, успокоилась, покончила с этой ерундой, я слышу. А теперь я вижу и переписчика, ничего особенного в нем нет. Просто еще один белый человек в коричнево-серой одежде.

Мужчина облизывает палец и переворачивает страницу. Бумагу подхватывает ветер и принимается с ней играть. Будучи главой семьи, Николас отвечает переписчику, как учила его мать: «Всегда говори с белым вежливо, как воспитанный. Но на этом всё. Ты такой же свободный человек, как и он». Трехцветка сказала это сыну, потому что он умеет красиво говорить. И он молодец, послушался маму. Мне тоже доводилось отвечать на вопросы белых мужчин, с одними я говорила вежливо, а с другими нет.

— Я Николас. Мне сорок пять...

— Откуда ты? — перебивает белый человек. Слышу, как протяжно вздыхает Фанни. Она стоит позади меня, поэтому лица ее я не вижу, но этот вздох похож на раскат грома.

— Из Огайо.

Белый пишет, проговаривая каждую букву, слово на уроке.

— Цветной?

А это что за вопрос?

— Мулат, — отвечает внук.

И что это за ответ? Он же просто светлее меня, вот и всё. Зачем отмежевывается от родни? Переписчик яростно строчит, стараясь не отставать.

— Моя жена Фрэнсис, сорока двух лет, из Вирджинии. Мулатка. Двое сыновей. Наш старший, Сэмюэл, живет отдельно, а Шелтон еще на занятиях. Учится в... — В голосе Ники слышна гордость. Для него свет сошелся клином на этих мальчиках. Шелтон учится на кузнеца. Но Ники надо быть осторожней. Белым людям вовсе не нравится слышать в наших голосах гордость.

— Твоя жена из Старой Вирджинии? — уточняет переписчик.

А что, есть и Новая?

— Да. Но все наши дети родились здесь, в Огайо.

У меня в голове голос внука продолжает: «И все мы мулаты, кроме...»

Зекиль соединил сухие кости.

Я закрываю глаза и позволяю солнышку согреть веки. Солнце. Тепло. Вспоминаю места, где тепло было каждый день, как и ощущение солнца на коже. А теперь я ощущаю взгляд переписчика. Он должен записать и меня, но я знаю, о чем он думает. А думает он, что я не в счет. И я помалкиваю, ибо уже ска-

зала людям почти все, что хотела, ради чего явилась на эту землю.

За меня отвечает внук.

— Это моя бабушка. Мариам Присцилла Грейс.

П-р...

— Я знаю, как это пишется, — бурчит белый.

Я чувствую, как мне в плечо впиваются пальцы Фанни.

Держи себя в руках, девочка.

— Сколько же ей лет? На вид уж очень стара.

— Сто двенадцать. Родилась в тысяча семьсот пятьдесят восьмом году. Или шестьдесят восьмом. Я не уверен, да и она тоже. Но никак не меньше девяноста.

— А ее саму ты не можешь спросить?

Ники объясняет мужчине, что я очень молчалива. Проходит несколько мгновений, и я понимаю, что внук жестом дает понять переписчику, что я маленько не в себе. Сам-то он, конечно, в это не верит, просто тогда люди оставляют меня в покое. Я решаю всхрапнуть. Позади фыркает Фанни.

— Мама Грейс... она слепая, — продолжает Ники.

Для кого как. Кое-что я вижу.

— И откуда она?

— Из Вирджинии.

Меня передергивает.

Да нет же, я не оттуда! Впрочем, меня никто не слышит. Но да, я из Вирджинии, прожила там много лет. И нет. Не оттуда. Вирджиния похожа на Огайо: дом, да не дом. Жизнь, да не жизнь... просто привык-

ла, ведь столько родных душ потеряла, столько урожаев вырастила, столькоким младенцам появиться на свет помогла, на земле, где... семена и грехи.

Вирджиния мне знакома, да. Но родилась я не там.
Фанни прерывает мужа:

— Простите, сэр, вы хотите знать, откуда мама Грейс приехала? Или где она родилась?

Я слышу в ее голосе знакомую гордость. Фанни умеет читать, писать и считать. В школе преподает. Она сильная, Фанни.

— А это имеет значение? — спрашивает мужчина. В его голосе слышно раздражение, и я знаю... догадываюсь, что он думает обо мне. Я знаю, кого он видит: старую слепую негритянку, больную, уже ни на что не годную и не стоящую даже двух центов, не говоря уже о 1500 долларах, которые Нэш получил, продав меня Маккалоху. Переписчик откашливается.

— Официально, — заявляет он Фанни, — здесь написано «место рождения».

— Ну, что же, — девочка старается не важничать, чтобы не провоцировать этого белого, — мама Грейс родилась в Африке.

Это слово ударило меня по лицу, будто Фанни дала мне пощечину. Я даже почти встала.

Африка.

Я не слышала этого слова, пока не оказалась... здесь. А побывать-то мне довелось во всяких местах со странными названиями и жить разными жизнью. Я их позабыла. Почти. Но не совсем. Не могу.

Теннесси. Остановка.

Старая Вирджиния, говорят, теперь есть еще одна.

Ямайка, помню ее запах. Помню первое место, где я ступила на твердую землю после стольких дней в море... этом бескрайнем, прекрасном, темном, ужасном, смертельном море... по волнам плывут обтянутые кожей кости, а за ними мчатся огромные плавники. Караван смерти. Очень похоже...

Южная Каролина и тот остров, где игбо¹ выходили в море.

Норфолк.

А теперь этот Огайо и разлившаяся быстрая грязно-коричневая река.

Я много где побывала и отправилась назад. И оказалась в том месте, о котором сказала Фрэнсис. *Африка*.

Не помню даже, как это и называется-то. Странное такое слово, трудно выговорить. Совсем не так, как давным-давно, в то время, когда я жила там...

— Что ты сказала, мама Грейс? — спрашивает Ники. — Иногда она что-то бормочет, — поясняет он переписчику.

Я открыла рот, но оттуда не вылетело ни звука. Тогда я открыла глаза и моргнула. Солнце, собираясь отправиться освещать другую сторону мира, сияло во всю мочь. *Откуда я родом?* Я вижу место, которое так давно покинула. У него есть свое название. При мысли о нем у меня перехватывает горло. Запахи... Звуки, пение птиц, птиц, которые сюда не долетают.

¹ Народ в Юго-восточной Нигерии.

Прошли годы, десятилетия, несколько жизней... Интересно, существует ли еще это место? Я познакомилась со многими оттуда, когда выбралась из той большой лодки. Некоторые были похожи на меня, и речи их были мне так же знакомы и близки, как душа моей матери. Были и другие. Стоя бок о бок с ними на рынках, я выучила некоторые их слова. Эти люди были темнокожими, как и я, но их лица отличались от моего. Многие вели себя странно, некоторые поклонялись злым богам. Они пели свои песни о землях по ту сторону бескрайних воды и песка и о тамошних событиях. Да, я знала многих, таких, как я, привезенных издалека...

Что произошло там после того, как нас насильно переселили сюда? Землю затопили мрачные воды, как пелось в старинных песнях? Или ее постигла мерзость запустения? Она превратилась в пустыню, в место, о котором синекожие печальные люди¹ рассказывали в своих сказках, — там нет ни деревьев, ни воды, а только песок, похожий на волны?

Там больше нет людей? Их всех... нас всех привезли сюда?

Мы называли это место по-разному, многими именами, но они обозначали одно и то же место. И никто, пришедший оттуда, никогда не употреблял это слово: *Африка*.

¹ Возможно, имеются в виду туареги, которые постоянно носят одежду, окрашенную индиго, и краска придает их коже голубоватый оттенок.

Никто.

И вот теперь я, та, что прожила очень долго, сижу и думаю, а не единственная ли я в этой Америке, кто помнит, откуда мы все были.

Не последняя ли я?

— Эй, бабушка, ты откуда родом? — крикнул переписчик.

Мне не нравится, когда меня называют «бабушка». Меня зовут не так.

Фанни процедила сквозь зубы:

— Мама Грейс прекрасно слышит.

— Из Эдо¹, — ответила я белому парню. — Я родом из Эдо.

Я закрываю глаза и позволяю горячему солнцу целовать мои веки.

¹ В описываемое время город Эдо — столица королевства Бенин, ныне известна как Бенин-Сити в штате Эдо в Нигерии.

2

Убийца мужчин

1758 год или позже

Я прошла через дверь, откуда нет возврата, надевшаяся только судьбой да именем. С тех пор я прожила много жизней, накидывая и снимая их, как шали, то жесткие и грубые, будто из дешевой шерсти, то мягкие и легкие, словно китайский шелк. Меня называли разными именами, и я откликалась на них, хотя ни одно не было моим. Это тоже были своего рода шали, в которые другие люди считали своим долгом заворачивать меня.

Настоящее имя я храню у самого сердца.

И никогда его не назову.

Этим именем меня нарекли родители. Его мало кто слышал и тогда, годы и годы назад, а теперь, когда они мертвы, ушли в страну теней и шепота, и по давнему некому произнести. Маленькую меня родители называли ласковым именем, но не тем, что дали при рождении. У братьев и сестер были припасены для меня разные прозвища, то добрые, то насмешливые. Тогда мне это не нравилось. А сейчас? Думаю, родные оказали мне благодеяние. Мое настоящее

имя не слетало с чужих уст, поэтому осталось только моим. Здесь никто не сумеет его написать. Я и сама-то не могу. С тех пор, как я в последний раз слышала родную речь, прошло много лет. Но сила тайного имени всегда оберегала меня.

Историю моего появления на свет следует рассказывать в кромешной тьме, когда работы уже закончены, дети спят и лишь тлеющие в очаге угли бросают на лица слушателей немного света. Звучит она неправдоподобно, и, если бы мне ее рассказали, я подумала бы, что речь в ней идет не обо мне, а о девочке из дальних неведомых краев. О девочке, чье имя означает «маленькая птичка».

Всего у моего отца было три жены, которые родили ему десять дочерей и шесть сыновей. Но жены эти были при нем не одновременно, не как у большинства мужчин в нашей деревне.

«Да что б я и делал с двумя-то женами в одной постели? — я вспоминаю, как, скривив губы, ехидно осведомлялся он, завершая фразу тоненьким смешком. — Разве нормальному мужику под силу осчастливить двух баб сразу? Зато порадовать одну можно когда угодно и сколько угодно!» Слушатели легкомысленно хихикали, вторя ему.

Первая жена моего отца, тогда еще мальчика, только-только обретшего статус мужчины, была немногим старше меня в ту пору, когда мне пришлось покинуть деревню, — так, во всяком случае, выходило по рассказам моих взрослых сестер. Они с отцом были счастливы, но ее сразила какая-то хворь — кашляла,

кашляла и умерла. Тогда отец женился на старшей сестре моей матери, и та исправно рожала ему дочерей и сыновей, пока утроба ее полностью не истощилась. Наши женщины долго не живут. Умерла она так давно, что мало кто в нашей деревне ее помнил. Но отец говорил, что она была красивой, грациозной и покладистой и что ее дочери, мои единокровные сестры Аяна, Те'зира и Джери, очень на нее похожи. От них самих я слышала это по десять раз на дню.

Моя мать, третья жена отца, принесла в семью свой веселый нрав, смекалку, сильный дух (и тело ему под стать), а также значительное приданое. Сердцем отца она завладела благодаря красоте и уму, а закон и традиции их соединили. Она была травницей, с детства училась врачевать, принимать роды и читать будущее и прошлое. В деревне ее считали ведуньей, а кое-кто называл похуже. Но мать это не тревожило. «Ты многого добьешься, моя Маленькая Птичка, — твердила она, — если не станешь слушать, что о тебе говорят другие».

Впервые забеременев, мама разрешилась двойней: девочка и мальчик. Это было серьезным предзнаменованием. Первой вышла девочка, крупная и буйная, она заорала во всю глотку, едва появившись, брыкалась и извивалась в руках повитухи, громко гласно требуя еды. А мать, измученная тяжелыми родами, не могла приложить дочь к груди, пока не выйдет второй ребенок. Дым от тлеющих трав и благовоний наполнял родильную хижину дурманящим туманом, — мать заранее выбрала и смешала нуж-

ные снадобья, используя себе во благо собственное ремесло. Дым обострял внимание роженицы, а густой пряный аромат помогал пересилить страх и правильно дышать.

Мать сидела на горе одеял, раскинув ноги, запрокинув голову и закрыв глаза. Когда она напрягалась, сиюсь вытолкнуть ребенка, с ее тела капал пот и кожа цвета красного дерева натягивалась на огромном животе. В зубах она сжимала гладкую деревяшку, а руками держалась за толстые пеньковые веревки, чтобы не соскользнуть. Служанка обтирала ей лоб, пока повитуха проверяла раскрывающийся цветок родовых путей — он пульсировал, то расширяясь, то сжимаясь.

— Не спеши, слушай мой голос.

— Майша, полегоньку, полегоньку... — Женские голоса слились в общий хор ободрения и утешения.

Моя двоюродная бабушка, присутствовавшая при тех родах, рассказывала, что перед тем, как вытолкнуть детей на свет, мать издала крик, похожий на боевой клич воина.

Мама же говорила, что ничего не помнит о той муке, кроме голоса повитухи, нашептывающего слова, которые повивальные бабки наговаривали, верно, с начала времен. Сама она, принимая роды у других женщин, шептала то же самое и жгла те же травы, привезенные с острова на востоке, заполняя родильную хижину плотными клубами ароматного дыма. Его струи оббивали тело роженицы, шипя и скользя, подобно змеям, ползущим по ночному песку.

Когда второй ребенок выскользнул наконец наружу, женщины замолчали. Никто не двинулся с места. Все затаили дыхание. Старшая повитуха схватила мальчика и принялась сосредоточенно тискать его крохотное тельце. Шею ребенка обвивала пуповина, а личико было сплюснутым, морщинистым и синеватым.

Одна из женщин выкрикнула:

— У него на лице след! Другой ребенок еще в утробе затоптал его до смерти!

Мальчика приложили к груди, но он не захотел или не смог сосать. А вот девочка, красная от гнева и голода, крепко стиснув кулачки и поджав ножки, с такой свирепостью впилась в сосок, что молодая мать ахнула. Из ее груди, огромной, набухшей за время беременности, хлынула струя молока, и новорожденная принялась жадно глотать.

Мальчик умер. Дух, которого он оттолкнул, вернулся в страну теней. Отец опечалился... Но и порадовался рождению четвертой здоровой дочери. Мать пела ей, обнимая и укачивая. Женщины понесли по домам мрачные вести о здоровенной девчонке, которая жадно впивалась в грудь и громко сыто рыгала, и о крохотном мальчике, который был так слаб, что даже не взял в рот сосок.

Мне было восемь лет, когда я услышала историю своего рождения и узнала, почему некоторые люди отводят от меня взгляд, перебирая амулеты всякий раз, как я прохожу мимо. Они называли меня Убийца Мужчин.

Литературно-художественное издание / Өдеби-көркем басылым

ШЕЙЛА УИЛЬЯМС
ДЕСЯТЬ ЖИЗНЕЙ МАРИАМ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Янина Забелина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова,
Антонина Семенова

Подписано в печать / Баспаға қол койылды 03.04.2026.
Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 18,00. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сайкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в типографии ООО «Экопейпер».
420044, Россия, г. Казань, пр. Ямашева, д. 36Б.

R-RSB-41759-01-R